

И он показал мне одну из бумажек:

— Вот. Прочти. Хотим раскрыть глаза людям. Подбодрить хотим. На борьбу поднять.

В этих первых самописных листовках они призывали население не выполнять немецких распоряжений, сжигать хлеб, который немцы готовят вывезти в Германию, при удобных случаях убивать немцев и полицейских и прятаться от угона в неволю.

— Хорошо? — спросил Олег.

— Хорошо-то хорошо, — сказала я, — только за это своими головами можете расплатиться.

Олег по-озорному присвистнул. Толя Попов блеснул глазами:

— Елена Николаевна, а знаете... смелость города берет. Риск — благородное дело.

Олег стал серьезнее, задумался:

— Конечно, риск — благородное дело, но только тогда, когда рискуют обдуманно, умно. Когда есть уверенность в необходимости этого риска. Когда любовь есть к делу. А любишь — всего добьешься. — И опять заулыбался: — Помнишь, мама, кузнеца Вакулу? Как он в ночь под Рождество самого чорта перехитрил? А почему? Оксану свою он крепко любил. И не стало для Вакулы ни страхов, ни преград. Любовь, мама, сильнее самой смерти. А если Вакула чорта обманул, неужели мы немцев и полицейских не одурачим? Быть того не может!

Что я могла ему ответить?

В тот же вечер первые их листовки, эти первые ласточки, разлетелись по городу. Их приклеивали в городском парке на скамейках. Когда стемнело, приклеили и на двери кинотеатра, в темноте зала бросали в народ. При выходе, в тесноте, две листовки засунули даже в карманы полицейских.

С того вечера распространение листовок стало